

Князь Цзинь рассмеялся, и Ду Сюэтан никогда раньше не слышал такого смеха от него — спокойного, ровного, но леденящего душу.

Белоснежный блеск меча пронесся в воздухе, и пучок волос Ду Цина был срезан. Князь Цзинь, приставив меч к его горлу, произнес:

— Старик, я скажу тебе прямо: либо ты и твой негодный сын извинитесь перед Сюэ Таном, либо я отрублю тебе голову и сам объяснюсь перед Его Величеством.

Князь Цзинь обладал абсолютной властью!

Впервые Ду Сюэтан понял значение этих слов, увидев страх на лице Ду Цина. Оказывается, даже Ду Цин может бояться.

— Князь, неужели вы ни разу не усомнились во мне?

— Князь, давайте вернемся.

Внутри палатки.

— Такие дела не стоят вашего внимания. Вы находитесь на вершине мира, а я — в пыли, ничто. Поэтому это не стоит вашего внимания.

Сердце его висело в пустоте, и это было невыносимо.

— Князь, с сегодняшнего дня я отказываюсь от своих чувств к вам и больше не буду притворяться. Ду Цин или вы сами — если правда всплывет, вы... убейте меня!

— Сюэ...

Князь Цзинь схватил его за руку, и Ду Сюэтан не смог вырваться. Подняв взгляд, он встретил печальный взгляд князя. Это был самый прямой и сильный приступ печали, который князь проявлял за все это время.

Князь смотрел на него некоторое время, его выражение постепенно смягчилось, и он слегка улыбнулся.

— Возвращайся отдыхать. Ты устал за день. Я поставлю стражников у твоей палатки, больше ничего не случится.

Вы правы, это действительно не стоит вашего внимания. Ду Сюэтан поклонился и вышел из палатки.

Холодная луна зимней ночи висела в небе, делая снег под ногами еще холоднее. Ду Сюэтан тихо выдохнул, будто выдыхая всю тяжесть из сердца. Его шаги стали легче, настолько легче, что сердце его опустело.

— Наконец-то ты решил явиться ко мне, — холодно произнес Ду Цин.

— Господин, — слегка поклонился Ду Сюэтан.

Теперь любые объяснения были бессмысленны. Все, что происходило в лагере, Ду Цин воспримет как доказательство безграничного доверия князя Цзиня к нему.

— Ты любишь князя Цзиня?

— Господин, у меня есть вопрос к вам.

Брови Ду Цина дрогнули, но он не стал настаивать на ответе.

— Какой?

— Какова ваша цель, заставив меня сблизиться с князем Цзинем?

— Что ты задумал?

— Обмен, — опустил голову Ду Сюэтан, скрывая блеск в глазах. — Я помогу вам достичь вашей цели, а вы отпустите меня.

На старом лице Ду Цина промелькнуло удовлетворение. Ду Сюэтан остался тем же Ду Сюэтаном, не вырвавшимся из его власти.

— Хорошо, я скажу тебе.

Привести хусцев, напасть на столицу, впустить князя У... Ха... — Ду Сюэтан покачал головой.

План Ду Цина звучал абсурдно и смешно. Даже если бы он удался, что бы это дало самому Ду Цину?

Князь Цзинь и князь У — кто из них был под силу Ду Цину? Ду Сюэтан видел в казенных бумагах, насколько мудр и проницателен князь Цзинь. Он не был тем, кем мог бы манипулировать мечтатель вроде Ду Цина, и уж тем более не был тем, кем мог бы манипулировать он сам.

Тук-тук-тук...

Раздались быстрые шаги. Ду Сюэтан вышел из палатки и увидел, что лагерь погрузился в хаос. Князь Цзинь, окруженный толпой, быстро шел к главной палатке, его лицо было серьезным, как никогда.

Князь внезапно обернулся и посмотрел на него, взгляд был сложным, но он быстро вошел в палатку. К вечеру атмосфера стала еще более напряженной. Его палатку окружили три ряда стражников, столько же, сколько было у князя Цзиня.

— Господин, поужинайте!

— Хм, — сел за стол Ду Сюэтан.

— Господин, я... кое-что услышала, — Цуй-эр смотрела на него с неуверенностью. — О князе. Хотите узнать?

— Что именно? — рука Ду Сюэтана с палочками замерла.

— Сегодня на охоте князь превзошел Его Величество. Говорят, он добыл белого оленя, символ удачи.

Щелк! Палочки упали на стол. Ду Сюэтан посмотрел в сторону палатки князя Цзиня. Разве это не был момент, которого ждал Ду Цин?

— Князь, о чем вы сейчас думаете...

Снаружи не было ни звука, тишина, будто что-то зрело в ночи. Ду Сюэтан закрыл глаза, пытаясь заснуть, но перед глазами все время стоял тот короткий взгляд князя.

Стук! Дверь распахнулась, и темная фигура, шатаясь, вошла внутрь. При тусклом свете луны он с изумлением увидел перед собой князя Цзиня.

Луна была слишком холодной, и ее свет делал лицо пьяного князя бледным. Взгляд его был расфокусирован, он шатался, приближаясь, и слегка улыбнулся, что выглядело немного смешно. Он протянул руки и обнял его.

Запах алкоголя ударил в нос, и Ду Сюэтан вспомнил ту ночь в Павильоне Чувств. В панике он попытался оттолкнуть князя.

— Не бойся, я просто посплю рядом с тобой.

Ду Сюэтан оказался прижат князем и лежал на спине, ошеломленный, пока голос генерала Вана не раздался снаружи.

— Генерал Ван, — вышел Ду Сюэтан.

— Я слышал, князь у вас. Как он?

— Князь пьян.

Эх... — генерал Ван вздохнул и сказал:

— Прошу прощения за беспокойство. Я сейчас выведу князя. Отдыхайте.

Эти слова звучали странно. Ду Сюэтан нахмурился и остановил его:

— Генерал, вы боитесь, что я причиню вред князю?

— Конечно нет, — генерал Ван поспешно замахал руками. — Я слышал, что вы сердитесь на князя и не хотите, чтобы он оставался у вас. Ничего больше.

Значит, князь Цзинь намеренно избегал жить с ним. Но зачем тогда он так старался, притворяясь, что все в порядке? Даже если это была уловка, зачем начинать так рано?

— Господин, князь... он не такой, как другие, но он не так бессердечен, как вы думаете, — генерал Ван подбирал слова, не зная, как выразиться. — В общем, прошу вас, будьте терпимее. Князь на самом деле хороший человек.

— Генерал, — очнулся Ду Сюэтан. — Князь мастерски стреляет из лука. Как он мог случайно...

— Это не мое дело говорить, — генерал Ван поспешно опустил голову.

Ду Сюэтан вдруг понял и спросил:

— Генерал, князь, возможно, плохо себя чувствует, поэтому...

— Господин, — генерал Ван прервал его. — С князем вам не о чем беспокоиться. Позвольте мне вывести его.

— Нет, — Ду Сюэтан преградил путь к двери, прикусив губу. — Генерал, я должен знать.

Генерал Ван на мгновение замолчал, затем тихо сказал:

— Господин, я не могу вам сказать. Но после этого... прошу вас, не сердитесь на князь. Это моя просьба.

— Генерал Ван, я позабочусь о князе.

Ду Сюэтан вернулся в палатку. Князь лежал там, его лоб покрылся каплями пота, одеяло было сброшено. Он накрыл князя одеялом, но тот продолжал ворочаться. Ду Сюэтан взял еще одно одеяло и укутал князя, чтобы тот не простудился от холодного ветра.

Князь хмурился, иногда что-то тихо бормотал. Ду Сюэтан смотрел на него, словно на ребенка, который боится наказания за проступок. Он протянул руку и коснулся брови князя, невольно улыбнувшись.

Глаза князя забегали, лицо исказилось, и он вдруг сел.

— Князь, вы в порядке?

Князь, все еще в панике, огляделся, посмотрел на него, затем на одеяло и беззвучно нахмурился. Ду Сюэтан почувствовал, что в нем что-то погасло.

Он протянул руку, чтобы коснуться князя, но тот резко отстранился, глядя на него с испугом. Князь, что вам приснилось? Может, вам снилось, что Сюэ Тан предал вас?

— Князь, я знаю, что сегодня вы были вынуждены... из-за меня...

— Нет, — прервал его князь Цзинь, прерывая и его мысли. — Ты не знаешь. Ты не знаешь, что такое князь Цзинь. Я никогда не был вынужден.

Как это может быть? Князь, я на самом деле...

Ду Сюэтан посмотрел на него, но эмоции князя исчезли, став спокойными, как стоячая вода, без волн, без жизни.

— На улице холодно. Если тебе нужно два одеяла, завтра оденься потеплее, чтобы не замерзнуть в пути.

— Князь, это не так...

Но князь уже ушел, широкими шагами. Ду Сюэтан смотрел на дверь. Это был последний раз, когда князь давал ему возможность отступить. Теперь он больше не дожидается того мягкого князя.

Оказывается, он не был слеп к искренности, скрытой за этими поступками, и не был слеп к настоящему раскаянию князя. Ду Сюэтан всегда понимал это, но он боялся, потому что ложь стояла между ними. Отказаться было проще, чем увидеть правду.

Неужели князь Цзинь действительно не испытывал к нему чувств? Нет, он просто не мог произнести эти три слова, потому что они были слишком далеки друг от друга. В ту ночь на Праздник Середины Осени он не дождался ответа, и князь тоже не дождался.

Он сам не мог сказать «люблю», что уж говорить о князе. Но князь, по крайней мере, дал ему заботу, снисхождение и все, что мог, искренне и чисто, без лжи, как у него самого.

<http://bllate.org/book/16170/1450593>